

Говорили, что Чу Лэ, второй молодой господин из семьи Чу, был настоящим дураком.

Если у других глупость была на один балл, то у Чу Лэ она была на все десять.

На самом деле Чу Лэ не делал ничего особенно глупого. Просто он полюбил подлеца, который обманул его чувства, забрал его состояние и в конце бросил:

— Такой, как ты, мне, Лян Есяню, никогда не понравишься.

За всю свою жизнь Чу Лэ не совершил ничего плохого, кроме того, что стал гомосексуалом, чем разочаровал своих родителей, да ещё и оказался пассивом. Но, если подумать... это, наверное, и было его испытанием.

— Лэлэ, малыш, пора кушать.

В ушах Чу Лэ раздался смешной, но приятный голос, мягко уговаривающий его. Чей это был голос?

Медленно открыв глаза, он увидел белую рубашку и строгое выражение лица. Это был... брат. Его старший брат, который уже умер.

Он переродился!

Чу Лэ растерялся. Раньше он всегда думал, что Чу Юй соперничает с ним, и с самого детства находил в нём тысячу недостатков. Под влиянием Лян Есяня он даже порвал отношения с братом.

Чёрт возьми! Только на его собственных похоронах, когда адвокат зачитал завещание Чу Юя, Чу Лэ узнал, что брат оставил ему всё своё состояние. Единственный человек, который всегда был к нему добр, а он вечно придирался к нему и даже в одной из ссор выстрелил ему в ногу, из-за чего брат на всю жизнь остался хромым! В тот момент Чу Лэ готов был убить себя. Теперь, получив второй шанс, он поклялся, что будет относиться к Чу Юю как можно лучше.

— Лэлэ, пожалуйста, больше не шали, ладно?

Чу Юй говорил с мягкой настойчивостью. Он считал, что его младший брат неплохой, просто не очень любит слушаться.

Что же теперь делать? Чу Лэ был в полной растерянности. На самом деле он не обидел многих людей, но его брат, который всегда был предан ему, оказался среди тех, кого он подвёл.

Чу Лэ повернулся и закрыл дверь, оставив Чу Юя за порогом — всё произошло рефлекторно!

На самом деле он хотел признать свои ошибки, но, чёрт возьми, сработал рефлекс, и он просто закрыл дверь перед носом брата!

— Лэлэ, открой дверь! Если не поешь, животик заболит! Это будет больнее, чем укол!

Чу Юй знал, что его Лэлэ с детства не очень любил проводить время с ним, но ему это нравилось. В его глазах, уже давно не совсем адекватных, его драгоценный Лэлэ всегда был милым. Даже сейчас, когда Чу Лэ захлопнул дверь, Чу Юй почувствовал странное волнение.

Чёрт! Чу Лэ уже колебался, выходить ли, но теперь, похоже, это не имеет смысла. Какой позор!

Чу Юй всегда был очень терпелив с Чу Лэ.

Наконец-то его Лэлэ перестал прогонять его, и Чу Юй решил воспользоваться моментом, чтобы наладить отношения с братом.

— Управляющий!

Маленький Чу Юй уже обладал царственной осанкой. Увидев запоздавшего управляющего, он улыбнулся, и его глаза сузились.

— Убеди Лэлэ выйти. Если не получится...

Его улыбка стала ещё шире, и он посмотрел на седовласого управляющего.

— Не проси моего отца за своего сына.

Управляющий чуть не заплакал. Что он сделал не так? Разве он не остановил второго молодого господина, когда тот говорил плохие вещи о старшем? Да и мог ли он его остановить? Почему старший господин не винит его за то, что младший наговорил столько гадостей? Почему старший господин придирается именно к нему!

Управляющий не знал, что в глазах Чу Юя, уже давно искажённых, его младший брат никогда не был виноват. Виноваты были всегда другие! А в глазах Чу Юя управляющий стал тем, кто сеет раздор.

— Второй молодой господин, пожалуйста, выходите! Старший господин очень волнуется!

Управляющий был на грани отчаяния. Ведь что бы второй молодой господин ни сделал, старший никогда его не ругал, а, наоборот, всегда старался скрыть его проступки. Так что страдали всегда другие, и управляющий чувствовал себя жертвой.

У-у-у, второй молодой господин, пожалуйста, выходите! Иначе мой сын действительно умрёт в тюрьме.

— Второй молодой господин, умоляю вас!

Чу Лэ осторожно открыл дверь...

Управляющий чуть не заплакал от радости, увидев, что второй молодой господин наконец вышел.

— Второй молодой господин, вы не представляете, как старший господин за вас волнуется! Если вы не выйдете, я умру!

Чу Лэ замолчал. Он действительно не знал, что сказать.

— Лэлэ, малыш, пойдём кушать.

Чу Юй взял Чу Лэ за руку и повёл вниз.

Аккуратно надев на Чу Лэ слюнявчик, Чу Юй приступил к нелёгкой задаче — кормлению брата. Морковь Чу Лэ не стал есть, отвернувшись, и Чу Юй выбросил её. Брокколи Чу Лэ тоже отказался, отвернувшись, и Чу Юй снова выбросил. Ну что ж, Чу Лэ с детства не любил овощи, и даже теперь, решив измениться, он всё равно их не ел.

Увидев, что Чу Лэ оставил много еды, Чу Юй немного рассердился. Кто этот проклятый повар? (Какое дело повару? Какой повар может сделать овощи похожими на мясо?) Так что глаза Чу Юя с детства были не в порядке.

Честно говоря, Чу Лэ ещё не придумал, как общаться с Чу Юем, но, видя, как брат заботится о нём, он решил, что так и будет. Он больше не убьёт своего брата, иначе он действительно почувствует себя ужасным человеком!

Пока Чу Юй кормил его, Чу Лэ спросил:

— Братец, сколько мне сейчас лет?

Носить слюнявчик, будучи взрослым в душе, было для Чу Лэ немного странно.

— Братец?

Чу Юй сначала удивился, услышав, как Чу Лэ называет его братом. Чу Лэ никогда раньше не называл его так, всегда обращаясь по имени, и Чу Юй уже привык к этому. Погодите! Братец! Чу Юй наконец осознал, что его Лэлэ назвал его братом.

— Лэлэ, повтори ещё раз.

Чу Юй был на седьмом небе от счастья, готовый объявить всему миру, что его брат наконец назвал его братом.

— Братец...

Этот мягкий голосок тронул Чу Юя до глубины души.

— Лэлэ, тебе десять лет, что случилось?

Голос Чу Юя был очень мягким. Десять! Не может быть! Чу Лэ был в шоке. Кто, чёрт возьми, надел на меня этот слюнявчик? (Твой братец.)

— Сними этот слюнявчик!

Чу Юй, видя, что Чу Лэ почти поел, снял слюнявчик. Только он хотел поговорить с братом, как снова появился управляющий.

— Старший молодой господин, кажется, с партией товара на юге возникли проблемы...

Глаза Чу Юя, ещё секунду назад светившиеся улыбкой, мгновенно стали холодными. Ведь время, которое его Лэлэ готов был провести с ним, было на вес золота!

Товар? Чу Лэ вспомнил, что Чу Юй старше его на четыре года. Если ему сейчас десять, то Чу Юю всего 14. Чу Лэ знал, что Чу Юй был гением в бизнесе, но не ожидал, что тот начнёт заниматься семейным делом так рано. Чу Лэ помнил, что в прошлой жизни Чу Юй не ходил в университет, а учился у частных преподавателей, посвящая большую часть времени бизнесу. Чу Юй говорил, что китайская система образования — бесполезна!

Честно говоря, Чу Лэ тоже восхищался этой фразой, ведь он сам прошёл через начальную, среднюю и высшую школу, и, кроме умения читать газеты, мало что из этого пригодилось. Но, несмотря на это, отец заставил его пройти стандартный путь китайского студента.

— Лэлэ, малыш...

Чу Юй наклонился к Чу Лэ.

— Братец скоро вернётся. Если кто-то скажет обо мне плохое, не обращай внимания.

С этими словами он поцеловал Чу Лэ в лоб, довольный, что тот не стал кричать, как раньше.

— Дядя Чжун!

Чу Юй обратился к управляющему.

— Никого не подпускайте ко второму молодому господину, понятно?

Управляющего звали Чжун Сякай, ему было 50, и все называли его дядей Чжуном.

— А... а как насчёт господина?

— Господина?

Голос Чу Юя мгновенно стал ледяным.

<http://bllate.org/book/16873/1555034>